

Социокультурные пределы развития административных центров

Р.Н. Абрамов

Абрамов Роман Николаевич (Москва, Россия) — канд. социол. наук, доцент кафедры анализа социальных институтов департамента социологии НИУ ВШЭ (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики), старший научный сотрудник Института социологии РАН; Email: rabramov@hse.ru

ПЕНЗА: ПОИСКИ НОВОГО ОБРАЗА ГОРОДА НА ФОНЕ АМНЕЗИИ НЕДАВНЕГО СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО

В данной статье анализируются противоречия и проблемы поисков нового имиджа Пензы и Пензенской области. Статья обращает внимание на симптомы амнезии коллективной памяти о недавнем советском прошлом в региональном контексте. Также автор статьи обсуждает противоречия новой городской идентичности, которые нашли отражения в изменении городской символики, способы медийной репрезентации недавнего советского прошлого и перспективы музеефикации советского в городском контексте. Автор статьи ставит проблему интеграции коллективной памяти о позднем советском периоде в современный дискурс о городском образе Пензы.

Ключевые слова: амнезия, образ города, ностальгия, имидж, музеефикация, советское прошлое.

R. N. Abramov

Roman Abramov (Moscow, Russia) — PhD in sociology, associate professor at the Department of Social institutions analysis of the National research University “The Higher School of Economics”, senior researcher of the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences; Email: rabramov@hse.ru

PENZA: SEARCH FOR A NEW IMAGE OF THE CITY IN THE CONTEXT OF THE RECENT SOVIET PAST AMNESIA

The article analyzes the contradictions and problems of search for a new image of Penza and Penza region. The article draws attention to the symptoms of the collective memory amnesia of the recent Soviet past in a regional context. The author discusses the contradictions of a new urban identity which are reflected in the change of the city symbols, the processes of media representation of the recent Soviet past, and the prospects of the Soviet museumification in the urban context. The author raises the problem of integration of the collective memory of the late Soviet period in the contemporary discourse about the urban image of Penza.

Keywords: amnesia, city image, nostalgia, museumification, soviet past

В данной статье я обсуждаю проблему выпадения из коллективной памяти и возникшей амнезии о недавнем советском прошлом в процессе поиска пензенскими властями нового имиджа города, пересмотра городской символики. Советский период и особенно его последнее тридцатилетие с его светлыми и негативными сторонами жизни затерялся где-то в памяти местных жителей, хотя всё ещё значительная их доля родилась в «советской Пензе», а городские ландшафты, как и основной жилищный фонд, до недавнего времени были результатом массовой застройки оттепельного и брежневского периода, когда город стал принимать формы современного промышленного и исследовательского центра. Так сложилось, что Пенза оказалась важной точкой точного машиностроения и НИОКР для целей обороны, что в 1950–70-е гг. сформировало в городе массовую группу инженерно-технической интеллигенции — советской бледной тени «среднего класса».

Сегодня регион «затерялся» среди других, более известных городов — «Пензу» до сих пор активно путают с «Пермью» [20], но, благодаря усилиям по созданию образа культурной столицы в Перми [1; 15; 16; 19], её никогда не перепутают с Пензой. Сами жители Пензы скорее довольны покойным нестоличным ритмом, а туристы пытаются найти уникальные элементы в городском пространстве, также упирая на размеренное течение местной жизни и находя черты, «приметы старины глубокой» в сжимающейся как шагреновая кожа исторической части центра. В последние годы на волне официальной идеологии поддержки внутреннего туризма и увлечением властей различных регионов «брендингом» [5;9; 20; 22, с. 309] и «имиджевым позиционированием» подведомственных территорий, в Пензе было несколько попыток изменения сложившегося образа города и области, для того чтобы избавиться от имиджа депрессивного региона у потенциальных инвесторов, а для местного населения сформировать новые поводы для локального патриотизма, отойдя от привычных отсылок к русской классике. В преддверии 350-летия Пензы столичным консультантам была заказана «Стратегия формирования и продвижения бренда Пензенской области», выпущенная в 2013-м г. и содержательно напоминавшая лоскутное одеяло из фрагментов текстов, написанных совсем для других целей. Такой аналитический *second hand* областное руководство собиралось приобрести за крупную сумму. Благодаря вмешательству экспертов пензенского еженедельника «Улица Московская», бюджет был серьезно понижен, а сама концепция признана неудачной¹.

Вероятная фрагментарность образа города в восприятии жителей Пензы, возможно, является следствием коммеморативного провала, когда память о городском пространстве советского времени ушла на периферию воспоминаний. Отчасти это объяснимо — пройдя 1990-е гг., Пенза утратила имевшуюся индустриальную и научно-исследовательскую базу, а многие работники заводов и НИИ оказались выброшенными на улицу. Соответственно, память о советском, с одной стороны, сильно ностальгизировалась [4], а с другой — утратила актуальность, отошла в «античность», которую трудно понять.

Имеется в виду резко изменившийся характер социальной среды и самого социального, затронувший жизнь большинства населения страны и обычных пензенцев. В позднее советское время «общее» и «близкое» для «простого советского человека» образовывалось двумя кругами общения — объединявшими приватное и публичное: первый «приватный» круг — это родственники и друзья; второй «публичный» — это трудовой коллектив, который списывал индивида в режимы работы, идеологии, социального контроля. Конечно, работа в советских учреждениях и заводских цехах далеко не всегда приносила удовлетворение (именно поэтому изучение удовлетворения от работы было одной из центральных тем советской промышленной социологии) и нередко была вполне отчужденной, однако жизненный мир и интеграция в *социальное* трудовых коллективов нередко сглаживали негативные стороны труда на советском предприятии. Распад советской модели экономики привел к распаду и этих социальных отношений, что оказалось травматичным для многих «бывших» советских специалистов и квалифицированных рабочих.

В Пензе этот провал микросоциальности наблюдался очень остро — одновременное лишение социально-профессионального статуса, определенного престижа, ощущения приобщенности к крупному трудовому коллективу завода или НИИ, фрустрировало многие тысячи жителей города и области и, с одной стороны, способствовало ностальгизации позднего советского времени как «Золотого века», с другой, необходимость выживания, нередко в условиях, близких к недоеданию, для многих отодвинула абстрактные вопросы о соотношении прошлого и настоящего на второй план.

В 1990-е гг. предпринимались некоторые попытки обратиться к прошлому и вызвать интерес жителей к локальной идентичности, но касались они, в первую очередь, дореволюционной эпохи в период, когда Российская империя в массовой культуре стала восприниматься в качестве «страны, которую мы потеряли». Впрочем, и этот интерес затрагивал узкий круг краеведов и местной гума-

1. См. публикации «Улицы Московской» — «Второе недоразумение Илика» (автор В. Мануйлов) и «Типовой образец» (автор в газете был не указан. В действительности этот аналитический комментарий подготовил автор данного текста по просьбе В. Мануйлова). См.: Улица Московская, 2013, №11 (480), с. 12.

нитарной интеллигенции, концентрировавшейся вокруг журнала «Земство», посвященного дореволюционной истории региона.

Локальная идентичность и городская символика

Важным признаком исчезновения советского с радаров регионального общественного мнения стала смена семиотических кодов, официальной и неофициальной символики города и области в рамках поиска новой идентичности. Исследователи отмечают роль символики в формировании образа города [См.: 6; 8; 11; 13; 18; 23].

Начнём с неофициальной символики, которая формировала видимый бренд города. В 1970-х самыми распространёнными образами города были два монумента: Монумент Славы (стела «Росток») (рис. 1) и скульптурная группа на Площади Победы, открытая в честь 30-летия Победы в 1975-м г. (рис. 2)

Рис. 1.

Стела «Росток» — строгая и футуристическая композиция, устремлённая вверх и отсылающая к конструктивизму и энтузиазму 1960-х гг. Она выглядит как молодой побег травы, тянущийся к солнцу, и служит метафорой советского общества второй половины шестидесятых, еще не расставшегося с мечтой о построении коммунизма и иллюзиями динамичного развития. Эта композиция находится на набережной реки Суры, благоустроенной в то же время и ставшей визитной карточкой Пензы 1960–70-х гг. Монумент включен в ряд семейных и городских ритуалов — от дней города до посещения молодоженами в день свадьбы, рядом с ним принимали в пионеры, а стилизованное изображение ростка появилось на различной типографской и сувенирной продукции: значках, памятных подарках, брошюрах, книгах, записных книжках, выпелах, афишах, плакатах и т.п. Также стилизованные изображения Ростка активно интегрировались в леттеринг и логотипы разного рода мероприятий: научных и отраслевых конференций, проводимых в Пензе, фестивалей, концертов и т.д. Фотоизображение набережной с «Ростком» обязательно помещалось в иллюстрированные альбомы, посвящённые городу и Пензенской области. Простой фигуративный абрис монумента, идеологическая универсальность позволяли органично вписывать его в практически любой контекст, и этот образ стал очень удачным примером неофициального регионального брендинга.

Скульптурная группа на Площади Победы (Монумент воинской и трудовой Славы), открытая в 1975 году, более традиционна и соответствует принятому в позднее советское время символиче-

Рис. 2.

скому канону увековечивания памяти о Великой Отечественной войне. Мать держит на руках ребенка, у которого, в свою очередь, в руке золотая ветвь мира, а чуть впереди стоит солдат в пилотке, олицетворяющий защитника. Эта композиция стала узнаваемой всеми жителями города и области, а Площадь Победы превратилась в главное пространство ритуалов, связанных с празднованием Дня Победы. Данная скульптурная группа также использовалась в качестве узнаваемого образа в сувенирной и типографской продукции, однако в более узком контексте, связанном с историко-патриотической направленностью.

Впрочем, в начале 1980-х гг. в Пензе появился монумент, чья популярность в качестве неофициального символа города затмила известность «Ростка» и скульптуры на Площади Победы. Этим монументом стала композиция «Первопоселенец» (рис. 3), открытая 8-го сентября 1980-го г.

Рис. 3.

в память 600-летия Куликовской битвы и ставшая визитной карточкой города в течение 1980–1990-х годов. Идея памятника пришла в голову Г.В. Мясникову, второму секретарю Обкома КПСС, курировавшему культуру и идеологию в регионе. Будучи карьерным комсомольским и партийным работником, Г.В. Мясников, однако, симпатизировал почвенничеству и в своих дневниках не раз критиковал советские порядки с консервативных позиций [12]. В конце 1970-х гг. ему пришла идея увековечивания памяти покорителей территории Пензы и области, которые в XVII в. осваивали это пространство, присоединив его к московскому государству и построив оборонительный вал и укрепления против набегов кочевников. Так появился образ первопоселенца, героя фронта — крестьянина-пахаря и воина, за которым стоит конь (главный спутник пахаря и воина в то время), а сам первопоселенец держит в руках копьё и опирается на плуг, при этом надпись на памятнике отсылает к 1663-му г., — общепринятой дате основания Пензы. И хотя в 1970-е гг. официальные советские власти активно заигрывали с почвенниками и новыми славянофилами из числа консервативной части художников и писателей «деревенщиков» [17], идея этого памятника была идеологически смелой и, вероятно, отражала дряхление системы советских символов, связанных с революцией, социалистическим строительством и даже Великой Отечественной войной. Этот памятник был установлен в исторической части города как элемент экспозиции, посвященной основанию Пензы, а его удачное расположение (он расположен на холме, на обзорной площадке, откуда открывался живописный вид на Суру и значительную часть города) сделало Первопоселенца очень популярным среди горожан и туристов.

Соответственно, Первопоселенец стал активно вытеснять Росток и скульптуру на Площади Победы с лидерских позиций неофициальных символов Пензы: с 1980-х гг. и по настоящее время именно Первопоселенца изображают на обложках фотоальбомов, посвященных городу, на чайных сервизах и кружках, он нередко становится графическим элементом логотипов локальных брендов, мероприятий (конференций и фестивалей), к нему также приезжают фотографироваться новобранцы. Пивоваренная компания «Самко» на протяжении долгого времени использовала изображение Первопоселенца на этикетках и банках своего пива (марки «Penza beer», «Старая Пенза» и др.). Нарочитая несоветскость этого памятника дала ему шанс стать неофициальным символом города и до настоящего времени, тогда как «Росток» потерял свою популярность, что проявилось и в отсутствии внимания городских властей к набережной Суры, которая уже долгое время находится в полуразрушенном, заброшенном состоянии. Мемориальный комплекс на Площади Победы по-прежнему сохраняет свое символическое и сакральное значение, но только в контексте памяти о Великой Отечественной войне. Таким образом, главным неофициальным символом города можно

считать памятник Первопоселенцу, а другие монументы и скульптурные группы являются дополняющими, поскольку связаны с советским периодом и историей, а поэтому потерявшими былое идеологическое содержание.

Снопы, шестеренки и ласточки: трансформации городского герба

Более последовательный и резкий отказ от советского произошел на уровне официальной городской символики — были изменены флаг региона и герб города (Рис. 4, 5, 6). Первый герб Пензенской губернии (и Пензы) был утвержден 28 мая 1781 г. и отражал сельскохозяйственную специализацию региона: «В зеленом поле три снопа: пшеничный, ячменный и просяной». С незначительными изменениями этот герб просуществовал до начала советского периода, а потом в течение многих лет герба города не существовало. В начале 1960-х гг. в некоторых регионах страны стали возникать низовые инициативы по формированию символики территорий и городов². Среди них была и Пенза, которая первой утвердила новый герб исполнительным комитетом городского Совета депутатов трудящихся 12 сентября 1964 года (решение № 502) (рис. 4). Авторами-разработчиками герба стали местные художники А.А. Оя, А.А. Фомин, Ю.И. Ромашков, П.С. Аниськин. Описание герба таково: «В серебряном щите с золотой окантовкой черная ласточка, летящая вправо, окруженная тонким золотым зубчатым колесом, опирающимся на три соединенных золотой лентой хлебных снопа. В узкой красной вершине щита в правом углу синий крыж с золотой эмблемой "Серп и Молот"».

Этот герб отражал новую историю региона, который в послевоенное время активно развивался и становился важным промышленным центром с ростом городского населения и инфраструктуры. Нужно отметить, что этот герб сохранил некоторые элементы дореволюционной версии (три снопа), соблюдая историческую преемственность и обозначая важность сельского хозяйства для региона.

Ласточка некоторое время была неформальным символом города — её семиотический смысл еще ждет своих исследователей, но в ряде описаний советского герба Пензы отмечается, что изображение ласточки символизировало выпуск пианино одноименной марки на одном из предприятий города. Также некоторые виды ласточек (стрижей) селились по берегам Суры, а их стремительный полет служит метафорой быстрого роста в 1960-е гг. Советский вариант пензенского герба пользовался популярностью среди горожан — выпускались значки с изображением герба, он активно изображался на сувенирной продукции и в печатных изданиях, так же становился частью логотипов различных мероприятий. Герб советской Пензы внятно отражал многоукладность и современность экономики региона, что соответствовало действительности, так как на полную мощность работали часовой завод (шестеренка как элемент герба), машиностроительные заводы, а ласточка могла бы символизировать относительно высокую скорость модернизации в 1960-е гг.

Как уже говорилось выше, в 1990-е гг. ситуация в регионе радикально изменилась: от прежней индустриальной мощи и научно-технического потенциала остались бледные следы, а поэтому символическое позиционирование региона в промышленном и научном ключе становилось проблематичным. Советская версия герба с незначительными изменениями действовала до 2001-го г., а после этого Пензенская городская Дума утвердила новый герб города — был восстановлен исторический герб — «в зеленом поле три снопа». Так на геральдическом уровне произошел отказ не только от советского прошлого с его символами, но и от научной и промышленной составляющей символа

Рис. 4.

2. Эту сторону рождения новой советской символики и, в частности, появления советского герба г. Пензы изучает петербургский антрополог Евгений Манжурич. [10].

Рис. 5.

территории. И это закономерно, поскольку и самих этих составляющих почти не осталось, а новые производственные специализации были таковыми, что на герб нужно было бы вынести изображение мягкой мебели или «стенки» из ДСП — именно на этих кустарных заводиках по производству мебели были заняты работники, потерявшие места в машиностроении и на часовом заводе. Можно сказать так — регион окончательно расстался с советским.

Что касается флага региона, флаг Пензы по дизайну близок к действующему гербу, а с флагом области произошли более интересные

трансформации. Флаг региона впервые был утвержден Законодательным Собранием Пензенской области 13 ноября 2002 года, и его описание включает в себя (рис. 6): «флаг представляет собой прямоугольное полотнище, состоящее из одной вертикальной и одной горизонтальной полос: вертикальной — зеленого (травяного), горизонтальной — желтого (золотого) цветов. По центру желтой (золотой) полосы с небольшим смещением вверх и влево к древку флага располагается символическое изображение Спаса Нерукотворного. Высота изображения равна 2/3 высоты флага. Общий цвет изображения — темно-золотой. Зеленый (травяной) цвет символизирует природу Пензенской области, ее леса, а также плодородие, вечную жизнь и здоровье. Желтый (золотой) цвет символизирует поля, мудрость, знания, свет, богатый урожай, перспективу. Символическое изображение Спаса Нерукотворного символизирует духовность, всеединство, национальное возрождение»³. До сих пор этот флаг не внесён в Государственный геральдический регистр Российской Федерации, поскольку не соответствует принятым геральдическим правилам. Кроме того, мусульманская община региона выражала недовольство этим флагом, поскольку там используется религиозная символика⁴, а на территории области проживают люди разных конфессий. Впрочем, в настоящее время этот флаг используется в городских ритуалах и на официальных мероприятиях, он развеивается и на здании областного правительства, которое выполнено в стиле позднего сталинского классицизма и перед которым находится памятник Ленину. То есть символика этого флага вносит элемент постмодернизма в образ региона. Без проведения соответствующих исследований, трудно говорить о том, как сами жители региона относятся к флагу, рискну лишь предположить, что он не стал столь популярным символом среди населения Пензенской области.

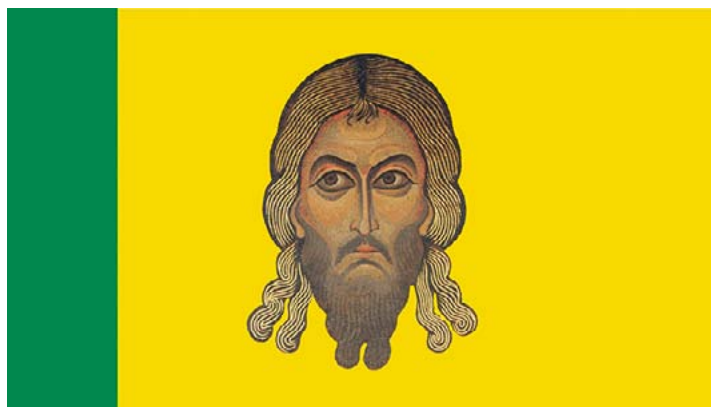

Рис. 6.

Память о советском: медийный и ландшафтный аспекты

Выше я много говорил о пустотах локальной идентичности, связанных с выпадением советского из местной истории и символики. Справедливости ради следует отметить, что пензенские медиа активно обращаются к различным сторонам советского прошлого, популяризируя историю города. Крупные региональные телеканалы выпускают собственные циклы исторических программ: «11 ка-

3. Флаг Пензенской области. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%BB%D0%B0%D0%B3_%D0%9F%D0%B5%D0%BD%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8

4. <http://www.pravoslavie.ru/15250.html>

нал» выпускает серию передач «На берегу Суры», охватывающих различные периоды истории города и области; краеведческие проекты главного официального журналиста области Павла Прохоренкова «Губерния» (2001–2002 гг.), «Новейшее краеведение» (2007 г.), «Пенза. Масштаб 1:350» и др. Было несколько телепроектов, посвященных отдельным городским районам и улицам, городским школам, авторы которых активно обращались к воспоминаниям детства участников программ и т.д. Ведущие этих проектов довольно неумело пытаются копировать журналистский стиль, жестикуляцию, даже интонации Леонида Парфенова, однако ценность таких программ заключается в том, что история повседневности и локальные идентичности получают свой голос

Из периодических печатных изданий, линию локальной истории активно развивает Валентин Мануйлов в своей еженедельной газете «Улица Московская», где он обращается к истории повседневной жизни отдельных районов города и биографиям и воспоминаниям ученых, врачей, представителей творческой интеллигенции, в разные годы живших в Пензе и области. Другое дело, что электронные и печатные медиа используют язык и стиль своих материалов, скорее обращенный к людям старшего возраста и в меньшей степени направленный на молодое поколение, которому интересны сюрреалистические путешествия по теневой стороне городской жизни прошлого и настоящего — примерно то, что можно прочесть в журнале «Метрополь» (<http://mtrpl.ru/ekat>), где Екатеринбург позиционируется как «лавкрафтовская столица России». У Пензы ведь тоже есть уникальные темы — хотя бы эта странная активность местной коммунистической парторганизации по увековечиванию памяти Сталина и попыткам организовать «Сталин-центр»⁵. Это может стать темой для развития dark-туризма и сюрреалистических репортажей из города.

Почему еще советская история, и особенно история советской повседневности, важны для формирования локальной идентичности Пензы? Дело в том, что, несмотря на подчеркивание своей «старины», Пенза — город социалистический по своей архитектурной структуре, а теперь еще и постсоветский, учитывая гигантские масштабы новой застройки в период строительного бума последнего десятилетия. Кроме того, в Пензе нет собственного кремля или крупного монастыря с крепостными стенами — объекта, который обычно является визитной карточкой старых российских городов. От дореволюционной застройки также остались жалкие фрагменты, а региональная интеллигенция не только не сопротивлялась разрушению исторического центра, но и сама радостно переезжала в монолитные и кирпичные новостройки, порой выраставшие на месте старых домов. Оправдания ветхости старого фонда здесь не работают, так как в России и в мире накоплен гигантский опыт работы с ветхим жильем и архитектурным наследием и интеграцией его в современный контекст.

Известно, что уникальный природный и историко-культурный ландшафт города является потенциалом развития городской экономики, поскольку стимулирует различные отрасли креативной экономики, которая лучше себя чувствует в комфортном окружении в виде газонов, велосипедных дорожек и уютных больших парков и скверов [3]. Креативная экономика — это совокупность индустрий, связанных с оказанием интеллектуальных и рекреационных услуг, охватывающих широкий круг видов деятельности — инновационное образование, бизнес-консалтинг, шоу-бизнес, дизайн, инжиниринг, прикладные научные разработки, искусство, туризм, общественное питание и гостиничные услуги. Вид из окна и эстетика городской среды — это не только отвлеченное культурологическое понятие, но и важный экономический ресурс городской экономики. Недаром девелоперы любят рекламировать свои объекты, расписывая прекрасные виды из окна и наличие зеленых зон в шаговой доступности, которых, может быть, нет и никогда не было. При всех перекосах советской застройки послевоенной Пензы она все еще была соразмерна человеку, обычному жителю, и его повседневным нуждам в парковых зонах, площадках для отдыха. Недаром именно тогда Пенза стала гордиться своими парками и рекреационными зонами, доступными жителям. Кроме того, несмотря на все усилия советской урбанизации, значительные анклавы малоэтажной и индивидуальной за-

5. Подробнее о «Сталинском центре», открытом в Пензе См. http://kprfpenza.ru/news/v_penze_otkryli_pervyj_v_mire_stalinskij_centr/2015-12-21-891

стройки сохранились до конца 1980-х гг. и могли бы быть прообразом нового городского центра, где новое и старое находится в гармонии. Этого не случилось.

Строительный бум последнего десятилетия смел надежды на то, что когда-нибудь город станет точкой притяжения для туристов, а сами горожане будут жить в экологически и эстетически комфортной среде. Не буду здесь упоминать о конкретных примерах варварского разрушения старых построек и точечной, но масштабной застройки парковых зон — этих примеров в городе уже не десятки, а, наверное, сотни. Скажу только, что сегодня город выглядит как поселение, отстроенное заново после ковровых авиабомбардировок, навсегда покончивших с исторической памятью города. И эта новая застройка сделана без учета природного ландшафта, без заботы об удобстве жизни людей, без понимания специфики жизни в городской среде. Помимо этого, в Пензе есть несколько интересных примеров конструктивистской советской архитектуры 1920-30-х гг., когда такие предприятия как ЗИФ активно вкладывались в развитие общественной и жилой инфраструктуры. Во многих странах модернистскую архитектуру считают наследием, достойным сохранения. Однако она либо перестраивается до неузнаваемости, либо разрушается без всякого сожаления.

Музеефикация советского в городском контексте

Исключая небольшую часть экспозиции Краеведческого музея, в Пензе почти нет выставок и пространств, посвященных повседневности позднего советского времени. Между тем, эта тема стала не только предметом интереса профессиональных историков, но и объектом заботы энтузиастов, активно развивающих «народные музеи» советского, которые лишены политической окраски, а скорее погружают посетителя в жизненный мир «простого советского человека» или «советского детства» [21].

В контексте нашего анализа под музеефикацией мы понимаем стремление собрать, категоризовать, сохранить и продемонстрировать материальные и культурные артефакты поздней советской эпохи, а также желание выделить и охарактеризовать типичные черты той эпохи, воплощенные в устройстве повседневной жизни «простых советских людей». Музеефикация тесно связана с практиками коммеморации, которая во французской традиции исследований коллективной памяти определяется как «процесс, мобилирующий разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержащий в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии, [...] и служащий выражением солидарности группы» [7; 24]. Наряду с памятными монументами, мемориальными кладбищами и памятниками архитектуры музеи являются «местами памяти» «свидетельствами иной эпохи», «ритуалами общества без ритуалов, преходящими святынями десакрализирующего общества» [14].

Процесс коммеморации можно обозначить как бесконечный переход от устных воспоминаний и «живой» социальной памяти к универсализованным, прошедшим экспертную очистку и идеологическую обработку, а поэтому застывшим, «монументализированным» историческим нарративам — собственно истории. П. Нора проводит вполне структуралистское различие между многообразием видов истории и видов памяти, отдавая памяти всё «живое», подвижное, эмоциональное, изменчивое, чувственное, магическое, поддающееся манипуляциям и принадлежащее групповому сознанию и оставляя истории миссию неполных, но претендующих на универсальность реконструкций прошлого [14].

Для старшего поколения — это ностальгия, для детей и молодежи — забавные и странные вещи с другой планеты, которой был СССР.

Возможно ли что-то подобное в Пензе? Наверное, не стоит повторять уже имеющиеся концепции, но у Пензы есть своя забытая история советского: это история краткого технологического и инновационного рывка 1950–70-х гг. Тогда в городе были созданы мощные исследовательские институты и экспериментальные производственные площадки. Казалось, что именно в тот момент творилась научно-техническая революция благодаря Баширу Рамееву и другим талантливым ученым. Город стал городом инженеров и технологов со своим бытом, стилем жизни, материальным

миром. Теперь многое из этого утрачено, хотя мне было бы любопытно прийти в старую пятиэтажку на Западной Поляне [2], где селились представители советской интеллигенции, и побывать в «Музее советского инженера», пусть даже и расположенном в однокомнатной квартире. Есть ведь в Москве Музей быта советских ученых «Академгородок»⁶, открытый в профессорском доме, построенном для сотрудников Академии наук СССР. Странно, что, открывая древности далеких столетий, так быстро утрачивается понимание того, как и чем жили младшие научные сотрудники НИИ 1960–70-х гг.

Библиография

1. Абашев В.В. Пермская монументальная риторика местной идентичности: памятники, эмблемы и арт-объекты в пространстве города // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. — С. 66-79.
 2. Абрамов Р. Н. «Это был интеллигентский район...»: Ностальгические репрезентации прошлого в воспоминаниях жителей района Западная Поляна г.Пензы // Власть времени: социальные границы памяти. — М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. — С. 122—141.
 3. Абрамов Р.Н. Пенза — машина девелоперского роста? // Улица Московская, 2014, 12 августа, http://www.ympenza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1314:penza-mashina-developerskogo-rosta&Itemid=225
 4. Абрамов Р.Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. — С. 5—23.
 5. Визгалов Д. Брендинг города. — М.: Институт экономики города, 2011. — 160 с.
 6. Головнёва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. — С. 42—50.
 7. Данилова Д. Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989 годы) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3 (40-41). — С. 149—161.
 8. Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. — М.: Аграф, 2004. — 512 с.
 9. Игнатъева О. В., Лысенко О. В. Культурная политика и стратегия конструирования имиджа территории // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. — С. 6—16
 10. Манжурин Е. А. Воображаемая преемственность: дореволюционное геральдическое наследие в советской городской символике (1953–1991) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 3. — С. 116—122.
 11. Митин И.И. Мифогеография как теоретическая рамка брендинга города // Брендинг малых и средних городов России / Отв. ред. А. М. Бритвин. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун та, 2012. — С.135—142.
 12. Мясников Г. В. Страницы из дневника / Под редакцией М. Г. Мясникова и М. С. Полубоярова. — М.: Типография АНО «Институт национальных проблем образования», 2008. — С. 309—310.
 13. Назукина М. В. Основные тренды позиционирования регионов российской Арктики // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №5. — С. 59—68.
 14. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж. — М.: Винок. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 17—50.
 15. Пунина К.А., Ромашова М.В. Университет и город: технологии формирования имиджа (случай Перми) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 2. — С. 83—93.
 16. Разлогов К. Э., Кочеляева Н. А., Федорова Т. С. Пермский край Российской Федерации: аналитический обзор по культурной политике. — Пермь, 2013. — 60 с.
 17. Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 616 с.
 18. Столбовая Ю. В. Формирование туристического образа территорий: брендинговый и драматургический подходы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. — С. 17—25.
 19. Тавризян Ю. Б. Едем или качаемся? Пермский опыт развития глазами его участника // 60 параллель. 2011. № 3 (42). — С. 92—102.
 20. Тимофеев М. Ю. Города и регионы России как (пост)индустриальные бренды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. — С. 29—41.
 21. Тимофеев М. Ю. Музеефикация СССР // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 5. — С. 25-33.
6. Предметы советской жизни. <http://soviet-life.livejournal.com/1435892.html>

22. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 520 с., ил.
23. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. 2011. № 71-72. — P. 163—178.
24. Sherman D. *The Construction of Memory in Interwar France*. — Chicago: The University of Chicago Press, 1999. — 414 p.

References

1. Abashev V.V. Permskaia monumental'naia ritorika mestnoi identichnosti: pamiatniki, emblemy i art-obekty v prostranstve goroda // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2015. № 1. — S. 66-79.
2. Abramov R. N. «Eto byl intelligentskii raion...»: Nostalgicheskie reprezentatsii proshlogo v vospominaniikh zhitelei raiona Zapadnaia Poliana g.Penzy // *Vlast' vremeni: sotsial'nye granitsy pamiati*. — М.: ООО «Variant», TsSPGI, 2011. — S. 122—141.
3. Abramov R.N. Penza — mashina developerskogo rosta? // *Ulitsa Moskovskaia*, 2014, 12 avgusta, http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1314:penza-mashina-developerskogo-rosta&Itemid=225
4. Abramov R.N. Vremia i prostranstvo nostalgii // *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2012. № 4. — S. 5—23.
5. Vizgalov D. Brending goroda. — М.: Institut ekonomiki goroda, 2011. — 160 s.
6. Golovneva E.V. Regional'naia identichnost' kak forma kollektivnoi identichnosti i ee struktura // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2013. № 5. — S. 42—50.
7. Danilova D. Memorial'naia versiiia Afganskoi voiny (1979-1989 gody) // *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2005. № 2-3 (40-41). — S. 149—161.
8. Zamiatin D. N. Metageografiia: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva. — М.: Agraf, 2004. — 512 s.
9. Ignat'eva O. V., Lysenko O. V. Kul'turnaia politika i strategiia konstruirovaniia imidzha territorii // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2015. № 1. — S. 6—16
10. Manzhurin E. A. Voobrazhaemaia preemstvennost': dorevoliutsionnoe geraldicheskoe nasledie v sovetskoi gorodskoi simvolike (1953–1991) // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriiia: Istoriiia*. 2015. № 3. — S. 116—122.
11. Mitin I.I. Mifogeografiia kak teoreticheskaia ramka brendinga goroda // *Brending malykh i srednikh gorodov Rossii / Otv. red. A. M. Britvin*. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un ta, 2012. — S.135—142.
12. Miasnikov G. V. Stranitsy iz dnevnika / Pod redaktsiei M. G. Miasnikova i M. S. Poluboiarova. — М.: Tipografiia ANO «Institut natsional'nykh problem obrazovaniia», 2008. — S. 309—310.
13. Nazukina M. V. Osnovnye trendy pozitsionirovaniia regionov rossiiskoi Arktiki // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2013. №5. — S. 59—68.
14. Nora P. Problematika mest pamiati // *Frantsiia-pamiat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Piuimezh*. — М.: Vinok. — SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. — S. 17—50.
15. Punina K.A., Romashova M.V. Universitet i gorod: tekhnologii formirovaniia imidzha (sluchai Permi) // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2015. № 2. — S. 83—93.
16. Razlogov K. E., Kocheliaeva N. A., Fedorova T. S. Permskii kraj Rossiiskoi Federatsii: analiticheskii obzor po kul'turnoi politike. — Perm', 2013. — 60 s.
17. Razuvalova A. Pisateli-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaia ideologiia 1970-kh godov. — М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. — 616 s.
18. Stolbovaia Iu. V. Formirovanie turisticheskogo obraza territorii: brendingovi i dramaturgicheskii podkhody // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2015. № 1. — S. 17—25.
19. Tavrizian Iu. B. Edem ili kachaemsia? Permskii opyt razvitiia glazami ego uchastnika // *60 parallel'*. 2011. № 3 (42). — S. 92—102.
20. Timofeev M. Iu. Goroda i regiony Rossii kak (post)industrial'nye brendy // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2013. № 5. — S. 29—41.
21. Timofeev M. Iu. Muzeefikatsiia SSSR // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2014. № 5. — S. 25-33.
22. Trubina E. G. *Gorod v teorii: opyty osmysleniia prostranstva*. — М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. — 520 s., il.
23. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. 2011. № 71-72. — P. 163—178.
24. Sherman D. *The Construction of Memory in Interwar France*. — Chicago: The University of Chicago Press, 1999. — 414 p.